

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-302-311

УДК 821.411.21

ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕГО ЭТАПА ТВОРЧЕСТВА НАГИБА МАХФУЗА (АНАЛИЗ РОМАНОВ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАТТУМЫ» И «ТОРЖЕСТВО ВОЗВЫШЕННОГО»)

В.Н. Зарытовская

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10

Статья посвящена лингвистическим вопросам перевода современной арабской литературы на русский язык и проблемам ее распространения в России, которые автор рассматривает на примере судьбы романов единственного арабоязычного нобелевского лауреата по литературе Нагиба Махфуза. В рамках исследования проводится анализ эволюции творчества египетского писателя, подробно рассматриваются два его поздних романа, переведенные на русский язык — «Путешествие ибн Фаттумы» и «Торжество возвышенного». В работе демонстрируется соответствие этих произведений европейским стандартам романа конца XX-го века и подчеркивается их космополитизм как черта позднего этапа творчества Н. Махфуза. При этом ставится вопрос, почему произведения арабских писателей, лишенные «местного колорита» и следующие современным тенденциям мировой литературы, остаются невостребованными со стороны издателей и читателей.

Ключевые слова: современная арабская литература, арабо-русский перевод, Нагиб Махфуз, «Путешествие ибн Фаттумы», «Торжество возвышенного»

Введение. Несмотря на давние и богатые литературные традиции Арабского Востока и большое количество выдающихся мастеров в области слова в арабских странах в Новейшее время (таких, как Таха Хусейн, Тауфик аль-Хаким, ат-Тайиб Салех, Ибрагим аль-Куни, Гада ас-Саман, Махмуд Теймур, Мухаммед Зефзаф и др.), египетский писатель Нагиб Махфуз (1911—2006) в 1988 году первым и последним на сегодняшний день из представителей арабоязычной творческой элиты вошел в мировые анналы как нобелевский лауреат.

Этот факт позволяет говорить о некоторой недооцененности потенциала современной арабской мысли и арабской художественной эстетики, что, на взгляд автора статьи, связано как с европоцентризмом литературного процесса в целом, оставляющим арабоязычный его сектор вне центра внимания, на суд исключительно арабских читателей и узких заинтересованных специалистов, так и с такими объективными и практически непреодолимыми сплетениями причин и следствий, как малые объемы перевода с арабского на основные европейские языки, колоссальные лингвокультурологические сложности самого процесса перевода, снижающие достоинства переводимого произведения при его переложении, неглубокая заинтересованность в познании современной арабской жиз-

ни со стороны значительной части неарабского общества и др. В этой связи в одном из интервью известный немецкий переводчик с арабского Хартмут Фэндрик говорит о трудностях продвижения новейшей арабской литературы в Европе следующее: «Новая переводчица “Тысячи и одной ночи” получает приглашения со всей Германии. Там поиграют немного восточной музыки, почитают отрывки из сказок и залы ломятся от публики. Если же я, например, захочу выступить с лекцией о новом писателе из Сирии или Ливии, то вначале мне придется найти книжный магазин, который вообще пойдет на это и радоваться, если соберется хоть десять-двадцать слушателей» [1].

Тем не менее, Нагиб Махфуз удостоился внимания мировой общественности, и далеко не случайно. Махфуз, как известно, был награжден столь высокой международной премией по литературе с формулировкой «за реализм и богатство оттенков арабского рассказа, который имеет значение для всего человечества» [2]. Однако этим пространным пояснением заслуг писателя не исчерпывается мера его таланта, и думается, что, присуждая премию именно Махфузу, нобелевский комитет это прекрасно осознавал. Талант этого художника не ограничивался рассказами как жанром, коих в его творческой биографии насчитывается более сотни, равно как не ограничивался канонами социального реализма XX-го века. Более того, к моменту присуждения премии писатель выходил уже далеко за эти рамки — за грани реалистичного, за грани национального и за грани аутентичной для него религии — ислама. Именно эти космополитические содержательно и бесплотные по технике создания текста произведения, в которых говорится о вечных вопросах и утверждаются общечеловеческие ценности, по глубокому убеждению автора статьи, должны были получить не меньшее внимание, тем более внимание зарубежных читателей, чем его рассказы из египетской жизни или часто называемая нобелевской каирская трилогия в духе реализма о жизни нескольких поколений одной арабской семьи («Между двумя дворцами», «Дворец мечты», «Сахарный дом» (1956—1957 годы)).

Более того, так сложилось, что распространение у издателей получают именно те произведения арабской литературы, в которых сконцентрировано национальное и оригинальное, как в арабских сказках «Тысячи и одной ночи», а зачастую и произведения псевдоарабской литературы, в которых выставляются напоказ исключительные факты, эпатажные истории, где присутствует скандал и ломаются табу. Достаточно пробежаться по однотипным названиям, приносящим издателям прибыль: «Суад. Сожженная заживо», «Искалеченная» и др. А вместе с тем в шуме этого хоррора практически не слышно голоса серьезной арабской литературы, которая помогла бы составить эпическое полотно Арабского Мира, создать впечатление о его многообразии, заставить прислушаться к нему. Теряются арабские произведения, написанные в жанрах современного европейского романа и не на арабскую тематику, как не конкурентоспособные на фоне литературы на европейских языках. К таким автор и относит романы позднего творчества Нагиба Махфуза, художественные и гуманитарные достоинства которых хотелось бы продемонстрировать в этом исследовании, подчеркнув их космополитизм, т.е. общемировую ценность.

Космополитизм, усматриваемый автором в ряде произведений Махфуза, заключается в том, что их героев легко можно представить обывателями практически любой самобытной страны, своей для читателя страны, и погрузить в воображении в любой временной срез без особой потери замысла, тем более что упоминания исторической обстановки в этих произведениях отрывочны либо не принципиальны для восприятия. Подобный универсализм в плане техники выстраивания художественного полотна влечет определенную бесплотность: в романах много действия, передвижения и/или много диалогов на абстрактные темы, выяснения личных отношений, встречается поток сознания, но авторский текст вообще отсутствует, описание внешности героев и среды, в которой они действуют и говорят, настолько сжато, детали минимальны, не систематичны, скорее психологичны, чем материальны, выполнены в виде набросков штрихами (шарф вокруг шеи, дымящаяся сигарета, цепкий орлиный взгляд), что читатель во время знакомства с текстом всегда имеет возможность потерять пространственно-временные ориентиры и домыслить свою конкретику, соотнести действие со своим хронотопом, уже не придавая значения египетскому происхождению автора и тем более обстоятельствам написания романа. При этом отсутствии в тексте детального богатства, в первую очередь национального и исторического, Махфуз уводит читателя еще дальше от реальности благодаря обилию метафор, наполненности историческими и культурными ассоциациями, намеками, говорящими именами героев, вымышленными названиями городов и стран, и глубокими сентенциями. При этом произведения не отличаются большим объемом, но тем и создается неповторимый их стиль: минимум слов — максимум смысла.

Особенности позднего этапа творчества Нагиба Махфуза на примере романов «Путешествие ибн Фаттумы» и «Торжество возвышенного». К числу таких романов, как цели данного исследования, с демонстрацией, в одном случае, возможности поразительной многомерности прочтения текста, а, в другом, — открытую писателем психологическую многомерность действительности, относятся произведения “Rihlat ibn Fattoumah” (1983) и “Afrah al-Qubba” (1981) — «Путешествие Ибн Фаттумы» (перевод на русский — 2009 год) и «Торжество возвышенного» (перевод на русский — 2008 год). Оба произведения по времени создания восходят к периоду жизненной и творческой зрелости писателя, поэтому их нельзя назвать случайными в биографии Махфуза. Более того, данный период его творчества интересен тем, что после Июльской революции 1952 года, когда к власти в Египте, устранив монархию, пришли социалистически настроенные «Свободные офицеры» во главе с Гамалем Абдель Нассером, Махфуз не писал несколько лет. Можно только догадываться, какой внутренний перелом переживал в эти годы писатель. Затем, вероятно, разочаровавшись в результатах революции, Махфуз начал экспериментировать в неожиданно новых для себя жанрах произведений, в которых вовсе не прославлялись, но и не осуждались открыто достижения нового строя, а наоборот, продолжался поиск Бога, справедливости и счастья для всего человечества. И первым в этом ряду был большой роман-притча (объемом более 500 с.) «Дети нашей улицы» (в оригинале — “Awlad haritna” (1959), в английском переводе “The children of Gebelawi”), в котором в метафорической форме охва-

тывается духовная история (иудаизм, христианство, ислам и атеизм). Далее последовали «Путешествие ибн Фаттумы» и «Торжество возвышенного».

Итак, первый из заявленных романов — «Путешествие ибн Фаттумы» уже названием отсылает (к сожалению, по большому счету только носителей арабской культуры) к заметкам, пожалуй, самого известного средневекового арабского путешественника ибн Баттуты (созвучие имен ибн Фаттума и ибн Баттута), который в 1326 году, отправившись из марокканского Танжера в паломничество в священную для мусульман Мекку, провел в странствиях 25 лет и посетил много земель, в том числе Иран, Турцию, бассейн русской Волги, Афганистан, Мальдивы и др. При этом путешественник из любознательности фиксировал в дневнике и комментировал все, что представлялось его глазу замечательным в чужих землях из самых разных областей жизни. Фактически он дал арабским читателям представления о современном ему мире. Сочинение же Махфуза — заметки путешественника из страны Ислам, пустившегося по свету в поисках совершенства (своеобразной Мекки для мусульманина). Герой так же записывает размышления о познанных им неисламских государствах — их религии, нравах, общественном устройстве, правителях, отношениях мужчины и женщины, рассуждает о приемлемом и неприемлемом для мусульманина в них. В подражание стилю и слогу заметок ибн Баттуты автор уходит от европейской формы романа, уже, казалось бы, освоенной арабской литературой к тому времени и обещавшей успех, и возвращается к традиционному арабскому нарративу в виде летописи странника. Одновременно автор отказывается от социального реализма и прямолинейности в описании современного ему арабского общества, погружая читателя таким образом в неопределенную арабскую старину. Однако эмоциональность повествователя, т.е. главного героя, и острота социальных и этических тем им затронутых заставляет задуматься об окружающем его обществе, оставляя актуализированным измерение «здесь и сейчас». Так, пытливый ибн Фаттума недоуменно спрашивает своего учителя-шейха, почему в стране Ислама царят несправедливость, бедность и безразличие?

Между ними произошел такой разговор:

— *Если ислам таков, как вы говорите, то почему на улицах полно нищих и невежд?*

— *Сегодня ислам загнан и заперт в стенах мечетей, — с сожалением ответил он.*

Шейх говорил долго, камня на камне не оставляя от сегодняшней нашей жизни, даже Султан не избежал его гнева.

— *Получается, в нас вселился дьявол, а не Божественное Откровение?* — сказал я... [3. С. 6]

Дальнейшее странствие ибн Фаттумы в поисках идеала с остановками в шести точках (Машрик, что дословно читается как *место восхода, заря, начало*, Хира — *смута, неразбериха*, Хальба — *арена*, Аман — *безопасность*, Гуруб — *заход, окончание, отстранение* и Габаль — *гора, вершина*, ср. с Gebelawi из романа «Дети нашей улицы», в образе которого запечатлен Бог) имеет несколько возможных прочтений, из которых автор статьи выделяет:

1) наиболее примитивное — географическое, в котором можно представить, что герой действительно физически перемещается по континентам, начиная с Африки с ее сильными языческими традициями и обрядами, неприкрытыми те-

лами и примитивной жизнью, затем Азия с ее восточной тиранией и любви к роскоши, свободная Америка и Восточная Европа, страдающая от тоталитаризма;

2) наиболее политизированное — обществоведческое, в котором последовательно во времени, но сжато, на протяжении жизни одного человека предстают племенной строй, рабовладельческий, феодальный, коммунистический и либеральная демократия, причем со всеми своими минусами, так как критически настроенный герой намерен найти само совершенство. Вот яркие характеристики двух последних общественных укладов:

— *Смотри, все дома одинаковы. Нет дворцов, нет особняков, нет домов побольше или поменьше. Разница в заработках незначительна. Все равны, кроме тех, кто отличились в работе. Самой маленькой зарплаты достаточно, чтобы уважаемый человек имел жилье, мог прокормиться, одеться, выучиться, посещать культурные заведения и развлекаться* [3. С. 126].

— *Вы как будто приветствуете войну?*

Он дал прямой ответ:

— *В том случае, если она даст больше свобод. Я на долю секунды не сомневаюсь в том, что наша победа над Хирой и Аманом принесет счастье их народам* [3. С. 105].

3) философское — связанное с течением человеческой жизни, в котором перекликаются названия первой и последней страны, посещенной героем, (как восход и закат), что действительно напоминает начальный с его буйством и непосредственностью и конечный с его спокойствием и медитацией периоды жизни человека — юность и старость;

4) наиболее острое измерение романа — религиозное, в котором есть критическая оценка язычества, атеизма, западного ислама и буддизма [4].

Стоит обратить внимание на то, что в этом вопросе Махфуз не так прост, чтобы ограничиться критикой чужих религиозных убеждений. Его герой прежде всего и в самом начале романа приходит к осознанию некоторого несоответствия идеалов ислама и их воплощения несовершенным человеком прежде всего на своей исламской родине [5]. И именно это стало движущей силой всех его путешествий и причиной всех его злоключений. Подавленный и разочарованный, а вовсе не самодовольный и уверенный мусульманин Кандиль ищет спасения в мечте, которая заполнила бы его всего, и решает, что доберется до легендарной страны Габаль, Царства Совершенства, о которой он услышал от учителя, и вернется на свою больную, по его выражению, родину с исцеляющим лекарством, в метафорическом смысле, естественно. По пути ему предстоит оценить совершенство других верований и общественных устройств, и не во всем он делает выводы в пользу ислама:

— *Кто хуже, учитель, тот, кто называется богом по невежеству, или тот, кто искажает Коран в своих корыстных интересах?* [3. С. 68].

— *Если бы Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) воскрес сегодня, не осудил бы он эту сторону вашего ислама?..*

Он ответил вопросом на вопрос:

— *Если бы Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) воскрес сегодня, не осудил бы он ваш ислам от начала до конца?* [3. С. 93].

Вообще данная тема стала для писателя роковой, если не сказать фатальной, учитывая покушение в 1994 году на его жизнь со стороны религиозного фанатика. Как известно, некоторые его произведения, и прежде всего «Дети нашей улицы» не были одобрены египетскими богословами и запрещены к изданию на территории Египта до сих пор, несмотря на то, что эта критика далеко не всегда соответствует замыслу автора и логике повествования, ведь сам Нагиб Махфуз писал: «Ислам — это источник добродетели для нашей нации» [6]. Так и в романе «Путешествие ибн Фаттумы» Махфуз, думается, пытался осудить не ислам и не мусульман, а несовершенство человека вообще, в какое время, в каком государстве он ни жил бы, какую бы религию он ни исповедовал. Одновременно Махфуз создает яркий, привлекательный образ мусульманина, не приемлющего невежество, разврат, лицемерие, кровь, честно, критически относящегося к действительности и не закрывающего глаза на язвы своего общества [7], и эту заслугу перед мусульманским сообществом нельзя не признавать за писателем.

Что касается второго романа, то само его название “*Afrah al-Qubbah*” — крайне абстрактно и двусмысленно (слово *afrah* переводится как *радость*, на диалекте — *свадебное торжество*, слово *qubbah* — как *купол*, на диалекте — *высшее общество*). Однако же пьеса с таким же названием фигурирует в самом романе. И один из героев размышляет о ее названии: «*Ты имеешь в виду торжество и победу морали над всякой мразью?*» [3. С. 77]. Перевод заглавия этого произведения 1989 года на английский язык — “*Wedding song*”, по мнению автора, концентрируется на одном из значений слова *afrah* в египетском диалекте — *wedding* и несколько отходит от возможных других задумок автора, вложенных в название романа. В русском переводе — «Торжество возвышенного» — ставка сделана на абстрактное из возможных толкований заглавия, которое, как заглавие с самым широким смыслом, все равно охватит вложенный в заголовок автором смысл.

С первых же страниц романа становится очевидно, что перед читателем не простое по структуре, а значит, и по содержанию произведение. Это головоломка, разобранная мозаика, части которой должны в конце концов сложиться в нечто логичное и целое, явив собой правду, до поры до времени скрываемую от читателя, показав истинные лица героев, воссоздав реальность и восстановив действительную картину мира, но вместе с тем поставив вопрос о том, насколько по-разному каждый со своей позиции воспринимает реальность и о том, что для каждого есть своя правда.

Один и тот же сюжет, рассказанный от четырех лиц — актером Тариком Рамаданом, суфлером Карамом Юнесом, его женой Халимой и их сыном драматургом Аббасом — выглядит как четыре разные истории. Перед читателями в четыре вечера, в четыре главы, разыгрывается один и тот же спектакль, правда ракурс его меняется. При этом главы частично «перекрывают» друг друга, частично развивают детективный сюжет со смертью актрисы Тахии и последовавшим за этим исчезновением Аббаса, сохраняя интригу до конца и на последних страницах обещая счастливую надежду. Монологи противоречат друг другу настолько, насколько каждый из рассказчиков запутывается в реальности, продолжая играть взятую на себя роль, т.е. видеть только свою правду. Все это только разъединяет

родных, приближая героев в реальности к краху. Одни и те же части этого калейдоскопа видятся в разном цвете, смотря чью историю выслушиваем. Черное может обернуться белым, как предположительный убийца красавицы-актрисы Тахии сценарист Аббас оказывается единственным человеком, который, забывая обо всем, дает ей достойную жизнь и дарит свою любовь, несмотря на разницу в возрасте, безразличие суфлера Карам — его глубоким страданием, его жена-изменница Халима — жертвой сексуального насилия.

Граница между правдой и вымыслом начинает размываться в первой же части романа, на репетиции спектакля, когда героям предстоит разыграть детективную историю, к которой все они так или иначе причастны в реальной жизни, в которой каждый находит свое отражение. Вымышленное сталкивается с действительностью и наносит удар по сознанию. Насколько же пьеса может отличаться от действительности и не следовать ее логики и морали? Где же предел воображению? Кого-то этот вопрос не волнует совсем, как прагматика-директора:

— *Пьеса — это произведение искусства. А искусство есть вымысел, какие бы факты оно ни представляло!* [8. С. 4].

Для других реальность расплывается, они начинают подозревать прототипа убийцы, самого автора текста в том, что он убил Тахию, подменив необходимые ей таблетки на пустышки, написал об этом пьесу, а теперь поживает на лаврах успеха.

«Разве это пьеса?! Да это же признание, это правда, а мы ее реальные персонажи!» [8. С. 5] — восклицает Тарик.

Наиболее впечатлительные личности, как актер Тарик Рамадан, сгущают краски. Картинка плывет у него перед глазами уже при первой читке пьесы, он начинает чувствовать свою беспомощность и одиночество перед раздвоенной реальностью:

«Из тяжелой свинцовой реальности проступают картины, которые приводят нас в смятение своей страшной откровенностью, опустошают, бросают вызов... В моем воображении волнами наплывают образы, замешанные на дико-кровавых красках. Я хочу перевести дух и перекинуться с кем-нибудь словом. Облако густого дыма в комнате усугубляет мое одиночество» [3. С. 3].

Неспособность отличить правду от вымысла усиливается за стенами театра. Уже искренность чувств самого влюбленного Тарика у гроба невесты вызывает у толпы недоверие, может показаться спектаклем и вызвать смех уже привыкших к игре и в жизни.

Многие люди театра вынуждены продолжать жить в мире своего воображения и по возвращении домой. Карам тихо ненавидит жену за измену, в которой он, однако, не вполне уверен, которую он сам додумал и затаил в себе. Но возможность таковой настолько ударяет по нему, что дома он притворяется грубым, безразличным вплоть до провокации человеком. Халима переживает его равнодушие, страдает от одиночества, копит на мужа обиду и время от времени задевает его угрозой, что уйдет от него, однако идти ей некуда. А когда сын станет знаменитым драматургом, мечтает она, и заберет ее, ему (Караму) не покупится на пальто. Однако на самом деле сын вынужден браться сразу за несколько работ и практически отказываться от творчества. Аббас не может простить обоих родителей за

содержание картежного клуба, который в его воображении дорастает до притона, и, чтобы начать новую жизнь, покидает родителей, прежде заручившись, что в театр они не вернуться, и уходит к любимой, а после ее смерти, воспользовавшись случаем, разыгрывает самоубийство. Пелена из воображения и подозрительности оказывается толстой стеной из-за которой достучаться друг до друга близким людям невозможно.

Кажется, что автор желал не только рассказать некую историю о театре и воображении, но и включить воображение самого читателя, заставив медленно и внимательно следить за текстом в попытке понять правду. А правда оказывается в том, что никакого убийства не было, в том, что у каждого своя правда и всяк по-своему прав и несчастен от того, что его правды никто не видит, и это открывается читателю только с последней главой. Вместе с последней главой и сам читатель должен задуматься о призрачности своих бытовых оценок добра и зла, о том, насколько сложно понять другого, равно как и быть им абсолютно понятным.

Формальную специфику произведения, несомненно, составляет заметное отсутствие авторского текста как такового в полотне романа и замена его монологом одного из рассказчиков, что позволяет считать «Торжество возвышенного» романом голосов [9]. И здесь Нагиб Махфуз отказывается от традиционной формы повествовательного романа, создавая практически пьесу, которая вместе с тем начинается и заканчивается авторским текстом — в начале статичным, густым, тяжелым и депрессивным, отрывок из которого уже приводился, и в конце — динамичным, легким и полным оптимизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один из немногих современных арабских писателей с мировой славой Нагиб Махфуз оставил огромное и неоднородное по художественным приемам и содержанию наследие. Позднейшие работы Махфуза резко отличаются от написанных ранее как по форме, так и по замыслу и выходят за рамки национальной арабской литературы, но приобретая при этом всеобщую ценность, будучи доступными и близкими для носителей различных культур, как простых людей, так и интеллектуалов. При этом позднее творчество Нагиба Махфуза не только отвечает представлениям о современном европейском романе, но и являет собой нечто уникальное и экспериментальное. Однако к сожалению, эти произведения не получили широкого распространения в силу ряда причин, касающихся положения переводной арабской литературы вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Я не нахожу последовательного перевода в арабской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://p-w-w.org/index.php?topic=14257.0> (дата обращения: 11.01.2017).
- [2] Нобелевская премия по литературе 1988. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=85> (дата обращения: 25.08.2017).
- [3] Махфуз Н. Путешествие ибн Фаттумы. М.: Изд-во «Центр гуманитарного сотрудничества», 2009. 160 с.
- [4] *El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning*, Routledge, 1993. 287 p.

- [5] *Зарытовская В.Н.* Путешествие мусульманина по утопиям. “Rihlat ibn Fattouma” Нагиба Махфуза (тезисы доклада) // Мир ислама: история, общество, культура. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 420—426.
- [6] *Zarytovskaya V.* Arabic literature in Russia // *Vanipal.* 2017. No. 59. P. 164—177.
- [7] *Антуан Наджим.* Махфуз в поисках Бога и творчества // Аль-Джейш. 2006. № 254.
- [8] *Махфуз Н.* Торжество возвышенного. М.: Изд-во «Центр гуманитарного сотрудничества», 2008. 176 с.
- [9] *Хасан аль-Муддан.* Словесность против реальности. Прочтение романа «Торжество возвышенного» Нагиба Махфуза. URL: http://www.aljabriabed.net/n32_13muddan.htm (дата обращения: 17.02.2017).

© Зарытовская В.Н., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 июня 2018

Дата принятия к печати: 15 июня 2108

Для цитирования:

Зарытовская В.Н. Особенности позднего этапа творчества Нагиба Махфуза (Анализ романов «Путешествие ибн Фаттумы» и «Торжество возвышенного») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2018. Т. 23. № 3. С. 302—311. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-302-311

Сведения об авторе:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: widaad@yandex.ru

THE FEATURES OF THE LATE WORKS OF NAGUIB MAHFOUZ (ANALYSIS OF THE NOVELS “THE JOURNEY OF IBN FATTOUMA” AND “WEDDING SONG”)

V.N. Zarytovskaya

Peoples' Friendship University of Russia
10, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The article is devoted to the non-linguistic issues of translation of modern Arabic literature into Russian and the problems of its distribution, which the author considers using the example of the novels of the only Arabic-language Nobel laureate in literature Nagib Mahfouz. The study analyzes the evolution of creativity of the Egyptian writer and discusses in detail two of his later novel, translated into Russian language — “The Journey of Ibn Fattouma” and “Wedding song”. The paper demonstrates the correspondence of these works to the European standards of the novel of the late twentieth century and emphasizes their cosmopolitanism as a feature of the late stage of Mahfouz creativity. The author raises the question of why the works of Arab writers deprived of “local color” and following the current trends of world literature remain unclaimed by publishers and readers.

Key words: modern Arabic literature, Arab-Russian translation, Naguib Mahfouz, “The Journey of Ibn Fattouma”, “Wedding song”

REFERENCES

- [1] *Ja ne nahozhu posledovatel'nogo perevoda v arabskoj literature* [I do not find consecutive translations in Arabic literature]. Available at: <http://p-w-w.org/index.php?topic=14257.0> (accessed: 11 January 2017).
- [2] *Nobelevskaja premija po literature 1988* [The Nobel prize in literature 1988]. Available at: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=85> (accessed: 25 August 2017).
- [3] Mahfouz N. *Puteshestvie ibn Fattumy* [The Journey of Ibn Fattouma]. Moscow: The center of humanitarian cooperation, 2009. 160 p.
- [4] El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning, Routledge, 1993. 287 p.
- [5] Zarytovskaja V.N. Puteshestvie musul'manina po utopijam. "Rihlat ibn Fattouma" Nagiba Mahfuza (tezisy doklada) [The journey of muslim about utopias]. *Mir islama: istorija, obshhestvo, kul'tura* [The world of islam: history, society, culture]. Moscow: RUDN Publ., 2010. Pp. 420–426.
- [6] Zarytovskaya V. Arabic literature in Russia. Banipal, 2017. No. 59. Pp. 164–177.
- [7] Antuan Nadzhim. Nagib Mahfuz fi zimmati alla val' ibdai [Naguib Mahfouz in the edema of God and creativity]. *Al'-dzhejshh* [The army]. 2006. No. 254.
- [8] Mahfouz N. *Torzhestvo vozvyshennogo* [Wedding song]. Moscow: The center of humanitarian cooperation, 2008. 176 p.
- [9] Hasan al'-Mudin. *Al'-kitaba dydda vakyi. Kyraat fil' rivaja "Afrah al'-kubbah" li Nagib Mahfuz* [Writing against reality. Reading the novel "Wedding song" of Naguib Mahfouz]. Available at: http://www.aljabriabed.net/n_32_13muddan.htm (accessed: 17 February 2017).

Article history:

Received: 1 June 2018

Revised: 9 June 2018

Accepted: 15 June 2018

For citation:

Zarytovskaya V.N. (2018). The features of the late works of Naguib Mahfouz. (Analysis of the novels "The journey of ibn Fattouma" and "Wedding song"). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (3), 302–311. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-302-311

Bio Note:

Zarytovskaya Victoria Nikolaevna, associate professor of Department of foreign languages, faculty of Humanities and social Sciences of Peoples' friendship University of Russia. *Contacts*: e-mail: widaad@yandex.ru